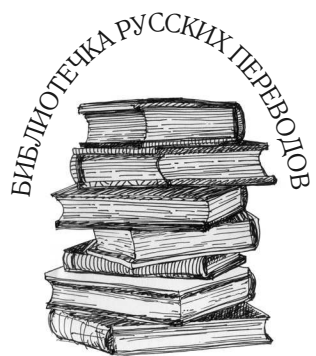

Lyttton

Эдвард Бульвер-Литтон

Король англосаксов

RUGRAM

Москва

2024

Издатель Иванов В.Ю.

УДК 821.111
ББК 84(4)
Б90

Пер. с английского М. Н. Воронов

Бульвер-Литтон, Э.

Б90 Король англосаксов: роман / Бульвер-Литтон Эдвард ; [пер. с англ. М. Н. Воронов]. — М. : «Т8 RUGRAM», 2024 — 568 с. — (Библиотечка русских переводов).

ISBN 978-5-521-90238-5

Эти события середины XI столетия краеугольный камень в истории Англии. До этого периода Англия была рыхлым образованием княжеств-графств-земель. И только после битвы при Гастингсе и воцарения Вильгельма Англия начала становиться государством.

Главными героями романа стали Гарольд, будущий Гарольд II, последний саксонский король страны, а также его невеста Юдифь. Книга начинается с возвращения в Англию после изгнания отца Гарольда — Годвина; на дворе 1052 год и перед читателем пройдут всего 14 лет до битвы при Гастингсе, завоевания Англии нормандцами, гибели последнего короля Англосаксонского.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90238-5

© Подготовка текста,
Издатель Иванов В.Ю., 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Король англосаксов

HAROLD,
THE
LAST OF THE SAXON KINGS;

BY THE AUTHOR OF
"RIENZI;" "THE LAST OF THE BARONS;"
ETC. ETC. ETC.

IN THREE VOLUMES.

VOL. I.

LONDON :
RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET.
1848.

. 677

Д. ВУЛЬФЕРЪ-ЛИТТОНЪ

**КОРОЛЬ
АНГЛО-САКСОВЪ.**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ

ВОРОНОВЪ

Въсѣхъ 2 отд. въ совокупности 2 отд. 64 стр.

ИЗДАТЕЛЬ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ.

Печатня Н. П. Макашова, Спасская улица, убоа Копенбургская

1876.

Часть первая НОРМАННСКИЙ ГОСТЬ, САКСОНСКИЙ КОРОЛЬ И ДАТСКАЯ ПРОРОЧИЦА

ГЛАВА I

Май 1052 года отличался хорошей погодой. Немногие юноши и девушки проспали утро первого дня этого месяца: еще задолго до восхода солнца кинулись они в луга и леса, чтобы нарвать цветов и нарубить березок. В то время возле деревни Шеринг и за торнейским островом (на котором только что строился вестминстерский дворец) находилось много сочных лугов, а по сторонам большой кентской дороги, над рвами, прорезавшими эту местность во всех направлениях, шумели густые леса, которые в этот день оглашались звуками рожков и флейт, смехом, песнями и треском падавших под ударами топора молодых берез.

Сколько прелестных лиц наклонялось в это утро к свежей зеленой траве, чтобы умыться майскою росой. Нагрузив телеги своею добычею и украсив рога волов, запряженных вместо лошадей, цветочными гирляндами, громадная процессия направилась обратно в город.

Предшественники царствовавшего в это время короля-монаха нередко участвовали в этой процессии, совершавшейся ежегодно первого мая, но этот добрый государь терпеть не мог подобных увеселений, отдававших языке-

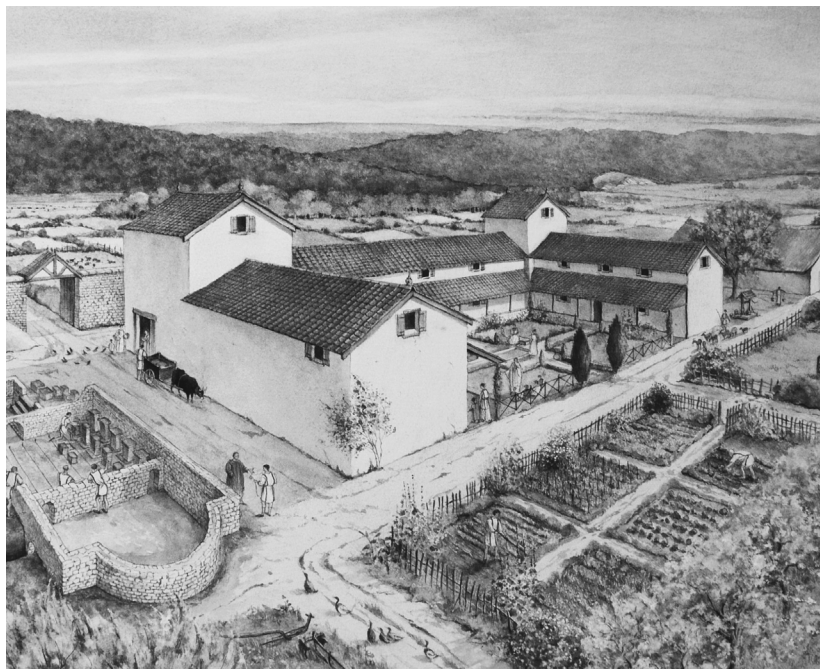
ством, и никогда не присутствовал на них, что, однако, не вызывало ни в ком сожаления.

Возле кентской дороги возвышалось большое здание, прежде принадлежавшее какому-то утопавшему в роскоши римлянину, но теперь приходившее в упадок. Молодежь не любила этого места и, проходя мимо него, творила робкою рукою крестное знамение, так как в этом доме жила знаменитая Хильда, которая, как гласила народная молва, занималась колдовством. Но суеверный ужас скоро уступил место прежнему веселью, и процессия благополучно достигла Лондона, где молодые люди ставили пред каждым домом березки, украшали все окна и двери гирляндами и затем снова предавались веселью вплоть до темной ночи.

Еще на другой день были заметны следы этого праздника: повсюду лежали увядшие цветы и облетевшие листья, между тем как воздух был наполнен каким-то особенным ароматом, занесенным из лесов и с лугов.

Вот, в этот-то второй день мая 1052 года, я и желаю ввести благосклонного читателя в жилище Хильды. Оно стояло на небольшом возвышении и, несмотря на свое полуразрушенное состояние, носило на себе отпечаток прежнего величия, что составляло резкий контраст с грубыми домами саксонцев.

Хотя римские виллы были во множестве разбросаны по Англии, но саксонцы никогда не пользовались ими; наши суровые предки были более склонны разрушать не соответствовавшее их привычкам, чем принаравливать к нему. Не могу объяснить, по какому случаю описываемая мною вилла сделалась исключением из общего правила, но знаю наверное, что она была обитаема многими поколениями тевтонского происхождения.

Грустно было смотреть, как изменилось это здание, которое было вначале таким изящным! Прежний атриум (передний крытый двор) был превращен в сени. На тех колоннах, которые были прежде постоянно обвиты цветами, красовались теперь: круглый, с горбом посередине, щит саксонца, меч, дротики и маленький кривой палаш. Посреди пола, утоптанного извёсткой и глиною, сквозь которую еще проглядывали местами остатки великолепной мозаики, был устроен очаг, а дым выходил на волю через отверстие, проделанное в крыше, которое прежде служило для пропуска дождя. Прежние маленькие спальни для прислуги, по бокам атриума, были оставлены в первоначальном виде, но то место в конце его, в котором когда-то находились хорошень-

кие кельи, из которых смотрели в таблиниум (парадная гостиная) и виридарииум (открытая галерея), было завалено обломками кирпичей, бревнами и т. п., так что осталась свободною лишь небольшая дверь, которая вела в таблиниум. Эта комната тоже была теперь чем-то вроде сарая, куда складывался всякий хлам. С одной стороны её находился ларариум (комната домашнего пената), а с другой — гиняцеум (комната женщин). Ларариум служил, очевидно, гостиною какому-нибудь саксонскому тану, потому что там и сям были набросаны неумелой рукой фигуры, имевшие претензию представлять белого коня Генгиста и черного ворона Водена. Потолок, с изображениями играющих амуров, был исписан рунами, а над старинным креслом, причудливой формы, висели волчьи головы, сильно испорченные моллю и всеокрушающим влиянием времени.

Эти комнаты, которые сообщались с перистилем и галерею, защищались окнами. В окно ларариума было вставлено тусклое серое стекло, а окно гиняцеума просто было заделано плохой деревянной решеткой.

Одна сторона громадного перистилия была превращена в хлева, на другой же стояла христианская часовня, сложенная из необтесанных дубовых бревен и покрытая тростником. Наружная стена почти совершенно развалилась, открывая вид на соседний холм, обрывы которого были покрыты кустарником.

На этом холме виднелись обломки кромлеха (друидского жертвенника), посреди которых стоял, возле входа в склеп какого-то саксонского вождя, жертвенник тевтонца, что можно было заключить по рельефному изображению Тора с поднятым молотком в руках и древним письменам. Нельзя